

Он снова чувствовал. Снова слышал. Снова чуял запахи. Перенос благополучно завершился. Теперь у него было новое тело. Ему не придётся тратить бездну времени и сил, чтобы вернуться на родину. Он не мог передать словами, сколь сильно ему повезло. То, что где-то неподалёку окажется вместилище, практически идентичное предыдущему, уничтоженному этими магами, казалось ему практически невозможным, однако он смог закрепиться в нём, прежде чем отвязать свою душу от предыдущего тела.

К несчастью, новое тело было для него крайне непривычным. Будучи жуком, он мог с лёгкостью довольно точно сказать, где находится. Однако то, что он ещё не привык к органам чувств нового вместилища, не позволяло ему использовать ставшую для него привычной геолокацию. Тем не менее он всё ещё прекрасно чувствовал собственную ману. Та лишняя женщина находилась всего лишь в нескольких часах пути от него. Так что ещё до наступления ночи он наконец-то вернёт силу, что она у него украла.

Когда он открыл глаза, взор его встретила тьма. Это ещё что такое? Насколько же надо быть чудовищем, чтобы прятать любимую куклу в темноте? Во времена расцвета его могущества дети всегда прижимали куклу к себе или оставляли её на кровати.

Продолжив анализировать ощущения от органов чувств своего нового тела, он в какой-то момент осознал, что на нём лежит что-то мягкое и тяжёлое. Причём будь у его тела необходимость дышать, он бы уже задохнулся. Нетерпеливо рыкнув, он выпустил вверх волну сырой магии, сбрасывая то, что на нём сверху лежало. Однако как только он попытался сесть, то услышал глухой треск — и внезапно обнаружил, что прижат ещё большим весом.

Теперь магический голод грыз его ещё сильнее. Эта волна магии сожрала у него куда больше маны, чем он мог себе сейчас позволить. Новое тело было всё ещё слишком непривычным, чтобы использовать его для хранилища маны. Похоже, ему придётся набраться терпения и ждать, пока его душа «обживёт» своё новое обиталище. И хоть сейчас у него было куда больше силы, чем до сражения с магами, пока он не сможет подстроить это тело под свои нужды, его сила лишь будет утекать в никуда словно вода из дырявого корыта. Похоже, что медленное, но неуклонное утеkanie силы ему придётся терпеть ещё долго.

На стоящем напротив камина стуле с высокой спинкой восседал в своём кабинете мужчина, погружённый в непривычные для него думы. Пробивающийся из-за толстых занавесок розовый свет, знаменующий восход, был для него зрелищем непривычным — благодаря чёткому и весьма эффективному расписанию он обычно просыпался куда позже, да и некогда ему с его работой всякими рассветами любоваться. Однако случившееся вчера выбило его жизнь из колеи обыденности, лишив спокойного сна, которому обычно он предавался в этот час. Что-то изменилось. Что-то оставило след на самой его душе.

Являясь мастером окклюенции, он знал всё и о своём теле, и о своём разуме. Погрузившись в медитацию, он тихо и неторопливо просеивал противоречивые мысли и дисгармонирующие чувства. Он должен был выяснить, что так взбудоражило его обычно спокойный дух. Он должен разобраться с этой проблемой.

Сколько он себя помнил, его жизнь была сплошной чередой предсказуемых разочарований. В итоге у него не осталось ничего кроме его работы. Его долга. Его обязанностей. Он продолжал поддерживать маску приличия, хотя и чувствовал, что такая жизнь буквально разъедает его изнутри. Однако работа не приносила ему радости — он просто выполнял её так, как положено выполнять компетентному специалисту. Он был мастером своего дела, это и обеспечивало его нынешнее положение.

Это не означало, что он был лишён честолюбия. Однажды он добьётся возмездия и сдержит своё обещание. Шаг за шагом он обеспечил себя всем, что, как он думал, было ему необходимо, всем, что он хотел. В глубине своего сердца он знал, что все его надежды умерли ещё тогда, десять лет назад. Он знал, что более ничто не способно заполнить пустоту в его сердце — вплоть до вчерашнего вечера.

Она поцеловала его в щёку. Прежде чем забраться в висящую на груди совы сумку, она поцеловала его в щёку.

Он не был сопливым пацаном, фонтанирующим гормонами из ушей и пускающим кровь из носа от каждой потенциальной возможности продолжить род. О нет, он был мастером окклюенции, хозяином собственного разума и тела, управляющим своими низменными желаниями, не позволяя им возобладать над его разумом. И никакое мимолётное увлечение не сможет одолеть его — он не поддастся слабости и не станет очередной жертвой, подобной бесчисленному множеству других людей.

Она поцеловала его в щёку.

И хоть он никогда не потакал им, он прекрасно знал, как справиться со своими животными инстинктами как физическими, так и магическими способами. И даже если бы его увидели с ведьмой лёгкого поведения, это нисколько не повлияло бы на него и его репутацию. Однако сейчас не было смысла гадать о том, что могло или не могло бы случиться.

Она поцеловала его в щёку.

Нет, он ведёт себя как идиот. У него и так дел по горло, и он не может позволить отвлекать себя подобной ерундой.

— Лили хотела бы, чтобы ты был счастлив, — всплыли вдруг в его памяти слова, сказанные коллегой.

Это какое-то безумие. Он столько раз видел, как теряют голову вполне достойные волшебники.

Да о чём он только думал, позволяя зайти всему этому так далеко? Да зачем он вообще согласился на тот дементоров ужин?

Она поцеловала его в щёку.

Нет, он не позволит снова причинить ему боль. Та боль была практически невыносимой, и её отголоски он каждый день ощущал до сих пор. Он знал, что не переживёт подобную боль снова.

Каким же он был идиотом!..

Она поцеловала его в щёку.

Раньше у него не было ничего, теперь же... теперь он мог надеяться.

— С добрым утром, любовь моя! Солнышко встало, птички поют, пора просыпаться, дела уже ждут! — пропел у него над ухом приятный голос, врываясь в его сон и заставляя вернуться в реальность.

— Ннехчуу, — пробормотал Филиус, отчаянно цепляясь за остатки сна.

— Ох, неужели я так уж сильно не давала тебе спать? — поддразнил голос. — Может, тогда нам впредь не стоит школьные ночи проводить столь... активно?

— Дажнвздумамайобтм! — запротестовал Флитвик и нехотя открыл глаза.

— Доброе утро, — мягко поприветствовал его голос.

— Доброе, Паола, — улыбнулся Филиус. — Я всё ещё не могу поверить в своё счастье просыпаться в столь чудесном сне.

— Шалунишка... — прошептала Паола ему на ухо.

Повернув голову, Флитвик ответил ей невербально.

— Так, всё, хватит, — оторвавшись от маленького профессора и подавшись назад, сказала Паола минуту спустя. — Нас и так ждёт напряжённый день.

— О-о? — спросил Филиус, не вставая и всё ещё пребывая где-то в полудрёме.

— Тебя ждут уроки и ученики, которых надо учить, а мне ещё нужно вернуть артефакт старейшинам и сообщить им важную новость.

— Тебе нужно сказать им, что мы теперь вместе?

— Нет же, глупыш, я уже отослала им сову, когда это случилось, — сказала Паола, прижимаясь к Флитвику. — Я должна им рассказать, что беременна.

Глаза Филиуса мгновенно распахнулись предельно широко. Вот теперь он проснулся.

Облачившись в дневные одежды, Андромеда Тонкс кинула горсть дымолётного порошка в камин, назвала адрес и, дождавшись, когда пламя станет изумрудным, опустилась на четвереньки и сунула в огонь голову.

— Северус, ты здесь? — позвала она.

— Да, доброе утро, Андромеда.

Анди была немало удивлена, что вызываемый ею абонент сидел в паре метров перед камином.

— Доброе утро, Северус, — сказала девушка. — Как у тебя дела?

— Дела... — Северус словно бы на пару секунд задумался, прежде чем дать ответ, — в порядке. Прощу, проходи.

— Благодарю, — сказала Анди, выходя из пламени в обитель профессора Снейпа. — Я не отниму у тебя много времени. Я лишь хотела узнать, есть ли какой-либо прогресс по поводу нашей маленькой понячьей проблемы.

— Если коротко, я вчера проконсультировался с зельеваром, сварившим то зелье, и в результате нашего тесного сотрудничества мы нашли несколько возможных вариантов.

Почему-то Анди вдруг показалось, что в их сегодняшнем разговоре что-то было неправильным, однако она не могла сказать, что именно.

— Так вы нашли решение этой проблемы?

— Даже несколько решений, — ответил Северус Снейп. — Мы рассмотрели целый ряд сложных и воистину гениальных эликсиров, каждый из которых гарантирует возвращение Люпину первоначального облика.

Нет, не неправильным, а скорее другим, непривычным.

— Это просто замечательно! — сказала Тонкс.

— Загвоздка в том, что самый быстрый из них готовится не меньше трёх недель.

— А? — Анди не казалась расстроенной этой новостью. — Не страшно, главное, чтобы они подействовали. Думаю, я смогу три недели вытерпеть зрелище того, как Римус страдает из-за внимания Нимфадоры. Видел бы ты, что она учудила вчера. Дочка полвечера заплетала ему розовые ленточки. У Нисси чуть припадок не случился, когда Дора потащила Римуса в ванну.

— Однако, — вдруг сказал Снейп, подавшись вперёд, сидя на кресле, — мы можем и смухлевать. Так получилось, что у меня случайно завалялось кольцо, способное, если взять его в рот, отменить превращение. И я не против одолжить его в обмен на копию воспоминаний о только что упомянутом тобой событии.

Стоп, это что, улыбка? Анди недоумевающе уставилась на Снейпа.

— Удивлена, что ты не хочешь заставить его страдать все эти три недели.

— Я пообещал кое-кому, что найду способ излечить его так быстро, как только смогу, — признался зельевар. — Воспоминания — лишь небольшое приятное дополнение.

— У тебя есть думосброс? — Вот теперь женщина была на двести процентов уверена, что Северус улыбнулся. Да что, блин, происходит-то?!

— Так уж совпало, что я как раз вчера вечером одолжил думосброс директора, чтобы пересмотреть кое-какие воспоминания.

— Л-ладно, — с опаской протянула Андромеда. — Договорились.

Не желая опаздывать на завтрак, Эппл Блум торопливо вела табунок в сторону Большого зала. Однако, когда до его гостеприимно распахнутых дверей оставался лишь один поворот коридора, земнопонька услышала, как её зовёт один из учителей. Удивлённая, Эппл Блум обернулась и увидела преподавателя зельеварения, приближавшегося к ним с широкой... улыбкой.

Стоп, ЧТО? Красноволосяя девчушка тут же встала в защитную стойку, предупреждающе рыкнув:

— Чейнджлинг!

— Луна! — громко возмутилась Скуталу. — Прекращай уже! Это нисена не смешно!

— Мисс Блум, — едва не пропел профессор Снейп, оказавшись рядом с превращённой земнопонькой, — пятнадцать очков Гриффиндору за прелестную ленту у вас в волосах.

И с этими словами он пронёсся мимо них в вихре развевавшейся ему вслед чёрной мантии и скрылся за углом.

Никто не смел шелохнуться, завтрак был мгновенно позабыт. Все без исключения ученики, что в тот момент находились в этом коридоре, с отпавшими челюстями уставились в направлении, в котором только что свернул за угол профессор зельеварения. Причём как минимум половине из них придётся подбирать челюсти с пола.

— Ауч! — воскликнул один из равенкловцев, вдребезги разбив повисшую в коридоре тишину. — Да не спишь ты! Нечего меня щипать!

— Так, кому-то нужно срочно сходить проверить термометр в аду, — предложил один из учеников.

— И что это было? — громко спросила Джинни.

— Луна? — с надеждой прошептала сиреневовласая пегасёнка. — Ладно, ты меня подловила. А

теперь очень прошу, хватит уже.

— Бэ-э-кон! — упрямо произнесла Маха, глядя в сторону коридора, где находились двери в зал.

В коридоре вновь повисла напряжённая тишина.

Кабинет директора, его святая святых, более не приносил Дамблдору покоя и отдохновения. Мыслить и рассуждать трезво становилось всё сложнее, как и вообще оставаться в сознании. Каждый раз, смежив очи, Дамблдор вновь оказывался в том самом месте. Что это был за крошечный чулан под лестницей? Почему пауки столь рьяно выказывали свой к нему интерес? В его обширной волшебной библиотеке не было ничего, что могло ему помочь. Все до единого перепробованные им ранее заклятья не явили ощутимого результата. Что ещё хуже, зелье Сна Без Сновидений подействовало лишь частично, заставив проспать всю ночь — и всю ночь же без остановки пытаться вырваться из власти этих неприятных снов. Что бы Альбус ни делал, кошмары всё равно возвращались, снова и снова.

Тем не менее он всё ещё должен выполнять свои обязанности. Новый Министр Магии затребовал у него аудиенции, и время за час до завтрака было единственным свободным в его директорском расписании. Дамблдор невольно задумался, не оказался ли он в новом кошмаре, ведь тот человек был последним, кого он мог представить на посту министра.

— Доброе утро, директор. Прошу прощения, что бужу, однако мне нужно обсудить с вами два важных вопроса.

Резко вздрогнув, Дамблдор тут же выпрямился и направил взор на сидящего напротив него мужчину.

— Доброе, Ксенофилиус, — директор одарил собеседника отеческой улыбкой, его глаза задорно блеснули. — Я всегда рад помочь. Так в каких вопросах нужна моя помощь?

— Клещи *Sanguis Lactantem*¹, — сказал ему новый министр, нахмурившись.

— Боюсь, я не совсем понимаю, о чём ты, — сказал Дамблдор, не переставая улыбаться.

— У нас эпидемия клещей *Sanguis Lactantem*, — заявил министр Лавгуд. — И нам необходимо всех срочно проверить на предмет укусов этих клещей.

— Уверен, ты просто слегка преувеличиваешь, — сказал Дамблдор. — Я ни у одного из учеников не увидел признаков, что их покусали клещи, и потом прислуга ежедневно производит обеззараживание помещений замка.

— Это всё хорошо, но мы вряд ли об этом узнаем, пока не станет поздно, и вся школа не окажется заражённой. И поэтому я настаиваю на проведении осмотра всех без исключения учеников.

— Боюсь, подобная нагрузка станет неподъёмной ношей для нашей бедной мадам Помфри, — подпустил скорби в голос директор.

— Ей помогут, — ответил новый министр. — Мунго пришлёт нам часть своего персонала, чтобы они ей помогли. Целители придут после обеда.

— Подобное мероприятие может крайне негативно повлиять на обычный распорядок дня, — возразил Дамблдор. — Это может навредить обучению.

— Sanguis Lactantem могут навредить ещё больше.

— Что ж, мы выполним это требование, — сказал директор, выражая вздохом своё несогласие.

— Вторая проблема более личного характера, — сказал Лавгуд, даже не обратив внимания на свою победу. — Мои новые обязанности отнимают немало времени.

— Да, прекрасно тебя понимаю.

— Из-за этого я вынужден уделять своей дочери внимания куда меньше, чем она заслуживает. Насколько я знаю, вы приняли младшую дочь Уизли на год раньше положенного срока, посчитав её достаточно взрослой. Поэтому я прошу сделать то же самое и для Луны.

— Но ведь уже прошло две недели с начала учебного года! — напомнил ему Альбус.

— Луна уже знает большую часть материала первого класса. Заверяю, небольшое опоздание никак не скажется на её успеваемости.

— Боюсь, в таком случае я буду вынужден пересмотреть разумность и дальновидность своего решения принимать учеников раньше срока.

— Дело ваше, но только после того, как зачислите Луну. Мне нужно, чтобы за ней как следует присматривали, пока я присматриваю за страной.

— Что ж, полагаю, подобное можно будет устроить, — сказал Дамблдор. В конце концов, одним учеником больше, одним меньше — пустяки, дело житейское...

— А-а, и ещё один момент.

— Да? — спросил директор школы, параллельно вспоминая, лежит ли у него в ящике стола зелье от головной боли или же он его вчера выпил, и придётся идти за новым.

— Амелия сообщила, что ей крайне сложно найти новых подчинённых, так как практически никто за последние несколько лет не сдавал ЖАБА по зельеварению.

— Кажется, я понимаю суть той проблемы, — слегка нахмурился Альбус.

— Я предполагаю, что у нас будет куда больше кандидатов, если ученики с оценками «выше ожидаемого» также смогут посещать занятия по зельеварению. Учитывая, что прошло лишь две недели с начала года, они вряд ли сильно отстанут от остальных.

— Северус принимает лишь учеников, получивших «превосходно», — спокойно пояснил директор.

— А это не ему решать. Или прикажите ему принимать учеников с «выше ожидаемого», или мы найдём нового профессора зельеварения.

Дамблдор нахмурился и подпустил стальные нотки в голос.

— Я более чем доверяю ему и его способности выявить наиболее подходящих его профессии учеников.

— Зато ему не доверяю я, — возразил министр. — Либо убедитесь, что он принимает учеников с оценками «выше ожидаемого», либо ищите более сговорчивого мастера-зельевара. Я уже спросил у некоторых членов Попечительского совета, и они все согласились. Школа создана ради учеников, а не профессоров. Нам нужны люди, сдавшие ЖАБА по зельям, куда больше, чем человек, ныне занимающий должность профессора зельеварения.

— Пытаешься отдавать приказы через мою голову, Ксенофилиус? Неужели даруемая новой должностью власть уже вскружила тебе голову?

— Нет, они сами пришли ко мне, заявив, что эта проблема заботит их сейчас больше всего. В следующем году также будут кое-какие изменения, однако этот вопрос требуется решить ещё вчера.

Дамблдор аж вскипел внутри. Мало ему было проблем с тушением очагов недовольства в

Визенгамоте, так теперь, похоже, новый состав Попечительского совета стал проблемой сам по себе.

— Что ж, ты не оставил мне выбора, — наконец сказал Альбус. — Я поговорю об этом с Северусом. Однако предупреждаю заранее: ошибки в зельях подобного уровня могут быть фатальны и привести к смертельным исходам или и того хуже.

— Заодно передайте ему, что племянница Уолкера Хэмптона как раз только что получила кольцо Мастера, — сказал в заключение министр, вставая со стула, собираясь уходить. — Она может начать уже со следующей недели.

Подходя к Большому залу ради одного из трёх важнейших приёмов пищи в день, профессор Макгонагалл невольно нахмурилось. Было тихо. Слишком тихо. Завернув за угол в коридор, она с удивлением обнаружила целую толпу учеников, ошарашенно смотрящих в сторону коридора, в котором располагались двери, ведущие в Большой зал.

— Что здесь происходит? — потребовала профессор ответа. — Почему вы все смотрите на коридор так, словно боггарта увидели?

Её слова оказались сравнимы с эффектом разорвавшейся Бомбарды. Едва ли не все в коридоре попытались ответить ей одновременно: «Не знаю», «Могу поклясться, что этого не происходило на самом деле», «Кажется, мы только что видели один и тот же сон», «Бэ-э-кон!», «Профессор Снейп только что дал Эппл пятнадцать очков за ленточку в волосах».

Последнее пояснение насчёт Снейпа было столь нелепым, что ввело пожилую волшебницу на секунду в ступор. Макгонагалл решила копнуть глубже, чтобы выяснить, что именно здесь произошло.

— Вы хотите сказать, что профессор Снейп только что дал баллы за просто так одному из моих львят?

— ДА! — хором ответили несколько учеников.

— Это как-то слишком неправдоподобно. Мисс Блум, вы в последнее время общались или как-либо иначе контактировали с профессором зельеварения?

— Да ток вчера, когда писала письмо, шоб п'знакомить его с Зекорой.

— Вы познакомили его с Зекорой? — переспросила декан Гриффиндора.

— Да, мэ, — кивнула Эпл Блум, и большой розовый бант качнулся вместе с её головой.

— Пятнадцать очков Гриффиндору, — тут же объявила профессор Макгонагалл.

— Эмм... спасибо... — сказала сбитая с толку красноволосая девчушка.

— Что здесь происходит? — задала вопрос мадам Трюк, подходя к небольшой толпе, скучковавшейся в коридоре. — Вы чего здесь все стоите?

— Профессор Снейп вдруг подобрел, — сказал кто-то из хаффлпафцев. — И это жуть как пугает.

Брови мадам Трюк взлетели до уровня её волос.

— И кто это его так проклял?

— Никто.

— Похоже, наша мисс Блум познакомила его с, судя по всему, замечательной леди, и они, видимо, произвели друг на друга хорошее впечатление, — предположила профессор Макгонагалл.

— Серьёзно? — Роланда Трюк повернулась к упомянутой девчушке. — Во-первых, пятнадцать очков Гриффиндору. А во-вторых, что с ней не так?

— Звиняйте, шо? — спросила та.

— Ей понравился профессор Снейп, следовательно, это очевидно, что у неё должны быть скелеты в шкафу, и немало, — пояснила мадам Трюк.

— Бэ-э-кон! — напомнила всем Маха.

— Зекора очень хорошая! — возмутилась Свити. — С ней всё нормально! — Филомина радостно прощепетала с её плеча, соглашаясь с девочкой. — И у неё нет в шкафу никаких скелетов, я проверяла! У неё даже шкафа такого большого нет!

— Похоже, профессор Снейп думает так же, — заметила Парвати, пропустив последнюю фразу мимо ушей.

— Хотите сказать, что все эти годы нам только и нужно было, чтобы найти ему?..

— Мистер Грейсон, — рывкнула профессор Макгонагалл, — только попробуйте договорить эту мысль вслух.

Внезапно из коридора, ведущего в Большой зал, раздались гулкие тяжёлые шаги, и из-за угла показался Хагрид.

— Профессор Макгонагалл, — позвал он женщину, как только увидел её, — я енто, пришёл, как ток' смог. Там шото, того-этого, не так со Снейпом.

— И в чём же проблема, Хагрид? — обратила на него внимание декан Гриффиндора.

— Он, значицца, со всеми вежлив, вот, — пробасил Хагрид, — а ещё он эт', всё хихикает себе под нос. Клянуся, он пробормотал себе под нос шо-то вроде «маленький милый пони» и тут же захихикал. С ним шо-то не так, вот шо я вам скажу, с ним точно шо-то не так.

— Молодца, Эплл Блум, — сказал Дин. — Ты сломала нашего учителя зелий.

— Ага, — эхом отозвался хаффлапфовец-четвероклассник, — молодца. Сможешь повторить?

— Ай! Хватит, блин! Сказал же, что ты не спишь!

— Так енто ты его так? — спросил Хагрид, переведя взгляд на красноволосую девчушку.

— Может быть? — ответила он.

— Воно как... — Хагрид выпрямился во весь рост. — Пятнадцать очков Гриффиндору. Кажись, енто бует честно.

— Хагрид, — строго сказала Макгонагалл, — ты не можешь давать факультетам очки.

— Дык оно, того-ентого, попытка — не пытка же ж, — усмехнулся великан.

— И потом, я уже наградила её баллами, — заявила мадам Трюк.

— Значицца, мало дала, — возразил Хагрид.

— Это ещё почему? — возмутилась Роланда.

— Дык у Гриффиндора часы с баллами неполные, — ответил здоровяк.

— Бэ-э-кон, — надулась Маха.

В маленькой, завешанной пышными нарядами комнате проснулась девушка; протерев рефлекторно сжатыми в кулаки руками глаза, она задумалась — то ли ей снится невероятно детальный волшебный сон, то ли сама реальность стала куда более невероятной, чем обычно. Она была чужой в собственном теле. Её передние копыта пропали, сменившись этими мягкими то ли лапами, то ли когтями, которые есть у минотавров. У неё появилось место, где ей рады; даже не преврати тот маг дряхлую разваливающуюся тахту в эту пусть и немного узковатую, но всё равно удобную кровать, — даже так она бы могла сказать, что она впервые с момента своего добровольного изгнания провела ночь с таким комфортом. И теперь она была в мире магии, но магии чужой и совершенно для неё незнакомой.

Прошлый вечер обернулся калейдоскопом новых впечатлений. Мучительные болезни влѣгкую исцеляли при помощи непривычных, небывалых на Эквусе зелий. Магию, что у неё на родине присуща лишь единорогам, использовали с помощью каких-то деревянных палочек. Больше всего её поразило то, что нечто наподобие телепорта можно с лёгкостью изучить и наколдовать без наличия каких-то особых способностей к нему. В какой-то момент те маги сошлись на мнении, что первый дом слишком мал. Тогда их стали одну за другой подводить к камину, где объясняли, что нужно бросить горсть какого-то порошка в камин и сказать «Нотт-мэнор». Последующее путешествие стало, мягко говоря, необычным, но оно однозначно было магическим.

В итоге она и большинство из перенесѣнных Дискордом пони оказались в куда бѣльшем здании. Там их поприветствовал людской жеребец, его жена и два жеребѣнка. Видимо, они и сами только недавно переехали в этот дом и были более чем рады принять у себя эмигрантов.

После этого принимающая семья отвела их всех в большой зал, где их ждал ужин, оформленный так, чтобы каждый мог подойти и взять себе то, что хочет, и столько, сколько хочет. Было сразу заметно, кто из кобылок питался регулярно, а кто — нет. Некоторые из них просто не смогли удержать в желудке то количество пищи, что жадно заглотили, накинувшись на ближайшие тарелки. Ещё несколько сделали то же самое, когда узнали, что в некоторых блюдах присутствовало мясо. То, что их новые тела, как и те, по чьему образу они были изменены, всеядны, стало для большинства кобыл неприятным сюрпризом, заставляя нервничать, а кое-кого — даже засомневаться, так ли стоило им сюда перебираться и не станет ли им здесь ещё хуже, чем там, в изгнании.

— Доброе утро, Вишенка, — раздался вдруг голос, вырывая кобылку-подростка из воспоминаний о вчерашнем дне. — Вижу, ты уже проснулась. Я как раз за тобой и заскочил.

Вишенка тут же узнала этот голос. Он принадлежал тому, кто и перенёс её сюда, духу Хаоса, что когда-то захватил весь их мир и мог гнуть и извращать окружающую реальность по щелчку своих когтей. И хоть она не слыла трусихой, но и дурой также не была. Мысленно поморщившись, она натянула на лицо маску доброжелательности и покорности.

— Доброе утро, Дискорд, — сказала она. — Как твои дела?

— Неплохо, неплохо, — ответил он. — Я как раз пообщался с теми, кто за вас отвечает, и они решили, что раз уж ты не имеешь судимостей, то тебе стоит позволить бóльшую свободу действий.

— Бóльшую свободу? — спросила Вишенка. — Это значит, что мне скоро можно будет научиться использовать магию так же, как и они?

— Они тратят годы в школе, чтобы научиться той магии.

— Я хочу учиться. Отправь меня в школу.

— Ты намного старше остальных учеников, — сказал Дискорд. — Боюсь, отправить тебя в их школу магии — примерно то же самое, что отправить Солнцекрупую в магический детский сад.

Кобылка со шрамом ошутимо пригорюнилась, повесив голову.

— Понятно. Но я и правда хочу научиться магии.

— Дорогая моя, — усмехнулся Дух Хаоса, — ты разве не знала? Кто не умеет, тот учит².

Гарри посмотрел на пол и поморщился. Поверхность оказалась для него недосягаемой. Опустив взгляд, он посмотрел на потолок у себя под ногами. Не то чтобы это было совсем уж новым и непривычным для него, однако тенденция не могла не тревожить. Паренёк перевёл взгляд на Парвати:

— Ну и как это возможно?

Парвати лишь пожала плечами.

— Магия, — пояснила она и уселась на потолок.

— Нет, я понимаю, но всё же, — подключился к обсуждению Дин и, последовав её примеру, тоже сел на потолок.

— Ну, зато отсюда вид прикольный, — беспечно прошебетала Скуталу.

— Ну обалдеть теперь, — высказал своё недовольство Рон, делая всё возможное, чтобы успокоить Гермиону, которая вцепилась в него так, словно от этого зависит её жизнь, хотя её удерживало на потолке столь же успешно, что и остальных.

— Белль! — крикнула Дафна со Слизерина из дальнего от гриффиндорцев угла, в котором весь их факультет сгрудился и теперь крепко прижимался друг к другу. И судя по виду, они ничуть не обрадовались тому, что оказались в такой же ситуации. — Ты просто ходячая катастрофа!

— Но мы в точности следовали тому, что написано в инструкции! — запротестовала Свити, смотря на рабочий стол, стоящий у неё над головой — на полу.

— Это зелье должно было лечить расстройство желудка, — сказал Симус. — Да как у тебя вообще получилось перевернуть гравитацию зельем от поноса?

— Хотя то синее облако дыма выглядело крутецки, — заметила Эбигейл. — Только я сомневаюсь, что в котле хоть что-то осталось.

— Кажется, Эппл Блум, нам снова придётся пройти с ней по основам, — сказала Джинни, пробуя подпрыгнуть, чтобы мгновением позже вновь оказаться стоящей на потолке.

— Тока не в моей зельеварне, — раздражённо отозвалась красноволосая.

— Мисс Белль, мистер Лонгботтом, — раздался голос над головами гриффиндорцев, — сегодня после уроков на отработку ко мне.

— Что это? — спросил Артур Уизли, взглянув на бумаги в его руках.

— Рерити сказала обращаться к вам, если мне понадобятся деньги из хранилища девочек. А то когда я в прошлый раз появился внутри, гоблины отреагировали излишне нервно.

— Появился внутри? — Артур смерил взглядом стоящего напротив мужчину. Судя по килту, он должен быть шотландцем, однако его акцент явно выбивался из образа.

— Ну я же не виноват, что у них такая дырявая защита, — пожаловался мужчина, разведя руками. — И я даже извинился потом.

— Вы появились прямо в хранилище Гринготтса?

— Ну да.

— А, так вы, верно, мистер Дискорд, — озарило догадкой Артура, и он протянул руку для рукопожатия. — Я много о вас слышал.

— Рад с вами познакомиться, — Дискорд уверенно пожал протянутую руку. — Я тоже о вас немало слышал. Благодарю, что приютили девочек у себя. Это очень щедро с вашей стороны.

Гаррик Олливандер внимательным взглядом изучал стоящую перед ним девушку. Она выглядела одновременно угрожающей и беззащитной, отчего её эмоциональное состояние казалось неустойчивым, нестабильным. И вертикальный шрам, проходящий через её правый глаз, лишь усиливал это ощущение.

— Доброе утро, мадам, — сказал Гаррик, показываясь посетительнице. — Чем могу помочь?

Девушка медленно повернулась к нему и оценивающе окинула настороженным взглядом, мастерски скрыв удивление.

— Здравствуйте, я бы хотела купить свою первую палочку.

— Первую? — приподнял бровь Олливандер. — Судя по обворожительному цвету ваших волос, вы, так полагаю, из Эквестрии?

Чаромедик дважды коснулась Невилла палочкой, и через секунду его волосы и одежда, как и полагается, стали свисать в сторону пола, а не потолка. Пожав плечами, Помфри жестом палочки перевернула мальчика и поставила ногами на пол.

— Тогда займись сначала моим факультетом, — фыркнув, сказал зельевар, пролевитировав Малфоя. — Большинство из них и так пропустило целую неделю занятий, и я планирую помочь им нагнать пропущенный материал.

Цыкнув, мадам Помфри дважды коснулась палочкой Малфоя, повторяя процедуру.

— Папуля! Ты вернулся! — маленький комочек счастья и милоты кинулся в объятия отца.

— Я же говорил, что не уйду надолго, мой персиковый цветочек, — Ксенофилиус с радостью обнял ту, ради кого он продолжал жить. — Я только зарезервировал для тебя место в Хогвартсе, чтобы ты смогла вновь встретиться с подругой.

— Но она на Гриффиндоре, а я хочу пойти на Равенкло, как ты и мамуля.

— Выбор за тобой, но помни: я буду гордиться тобой, какой бы факультет ты ни выбрала, — он нежно погладил её по волосам. — И твоя мама тоже гордилась бы.

— Но я не хочу расставаться с тобой, папуля!

— Нам всем однажды приходит пора покинуть родное гнездо, моя маленькая горлица, — сказал он, прижав дочь немного крепче. — Тебе нужно завести новых друзей, а не сидеть вместе со мной в пыльном офисе, целый день разглагольствуя о политике.

— Я боюсь.

— Не бойся, будь смелой, храброй, отважной... Ты же будешь смелой ради меня?

— Хорошо, папуль, буду.

Мадам Помфри удивлённо посмотрела на палочку, чтобы убедиться в правильности полученных ею результатов диагностики. После того как Снейп ушёл вместе со своими слизеринцами, с ней остались лишь первоклашки-гриффиндорцы. Медиведьма дотронулась до кармана мантии; думосброс всё ещё лежал там. Почувствовав, как на лицо невольно наползает улыбка, она коснулась Лаванду палочкой.

— Ну-ка, превратись для меня, моя маленькая пони...

Примечание:

¹ «Sanguis Lactantem» буквально переводится как «кровососущий». Короче говоря, клещ-кровосос.

² «Кто умеет, тот делает; кто не умеет, тот учит» — цитата из пьесы «Человек и сверхчеловек» («Man and Superman», 1901 - 1903) английского драматурга Джорджа Бернарда Шоу (George Bernard Shaw, 1856 - 1950).

<http://tl.rulate.ru/book/28591/1139070>